

Теория. Методология

©2001 г.

Д.Н. ЗАМЯТИН

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ОБРАЗОВ

ЗАМЯТИН Дмитрий Николаевич - кандидат географических наук, Московский институт развития образовательных систем.

В контрапункте с интересом к истории и историософии в течение многих десятилетий находилось прохладное отношение отечественных обществоведов к методологическим проблемам географии. Это касается и социологии, где еще в XIX веке русская наука благодаря усилиям Л.И. Мечникова была законодательницей моды в плане взаимодействия социального и географического. К сожалению, возрождение отечественной социологии в малой мере пока связано с возрождением интереса к проблемам географии в ее социальных измерениях. Между тем научная мысль в последние десятилетия не стояла на месте в этом отношении. С некоторыми из этих достижений хотелось ознакомить читателей "Социологических исследований", правда, в большей мере в аспектах социально-философского дискурса. Не затрагивая состояния современного научного знания по этим проблемам в том виде, в котором они отражены в зарубежной и отечественной литературе (этот вопрос может стать предметом отдельной статьи), обратимся к ключевым аспектам этого дискурса.

Географическое пространство и ментальность.

Генезис и модификации географических образов

Географическое пространство как объект исследования и научного интереса всегда находилось в динамике. Сам *образ объекта* менял свои очертания, но в данном случае эти изменения накладывались на специфику объекта - географическое пространство изначально размножалось в виде различных географических образов, которые в каждый конкретный момент времени максимально удовлетворяли потребности научного сообщества и "просвещенной публики".

Хорологический "переворот" в географической науке, начатый трудами немецкого географа К. Риттера в первой половине XIX века [1] и фактически заверченный в начале XX века А. Геттнером, был в первую очередь переворотом методологическим. Появился *новый географический язык*, который был характерен не столько обилием новых научных терминов (это было лишь следствие), сколько принципиально иным отношением к описанию собственного объекта географического пространства [2]. Так,

введение понятий *рельефа* и *ландшафта* было свидетельством превращения географии из науки, близоруко "ощупывавшей" интересовавшие ее объекты *{география "близки"}* - см., например, путевые описания российских академиков XVIII — начала XIX в. - С.Г. Гмелина, П.С. Палласа, И.И. Лепехина и др.) в науку дистанционную, которая фиксировала и объект своего интереса, и его структуру благодаря использованию пространственного принципа (*география "дали"*) [2, с. 141]. Генетическая

вариативность этого принципа ("резкость" благодаря новым научным понятиям навелась автоматически) позволила растянуть географическое пространство и одновременно фрагментировать, или "квантифицировать" его. Географические образы как результат хронологического подхода к исследованию географического пространства (или пространств) могли зарождаться пучками, пересекаться и взаимодействовать, "выстраиваться" в определенной последовательности. Классическое для географии представление *образа страны* дробилось на множество взаимосвязанных, детальных и часто разновременных "мелких" образов, которые формировали общее образно-географическое поле. Особенно это заметно в случае пограничных дисциплин - например, *геоистории*. В книге Ф. Броделя "Что такое Франция" можно выделить целую серию последовательных геоисторических образов Франции, которые были сформированы на пересечении ключевых для этой страны понятий и событий (Средиземноморье, кельтская и римская цивилизации, экономическая периферия Европы и т.д.). Фундамент всех дальнейших трансформаций — это *образ Галлии*, который резко расширил возможности геоисторического исследования Франции. Чередующаяся динамика этих образов создает *системный кумулятивный эффект*, который способствует накоплению возможных изменений и одновременно взаимопроникновению различных разновременных характеристик самих образов (ядро/периферия, ведущий регион/депрессивный регион и т.д.) [3, с. 140, 141].

Структурно сложные и неоднородные географические образы сами могли включать в себе совокупность противоречивых и разнохарактерных географических образов, которые создавали единый и целенаправленный контекст восприятия географического пространства. Стало возможным сознательное конструирование *обобщенных макро-географических образов*, которые как бы поглощали или замещали собой реальные географические пространства. Например, *географический образ пространств России*, который был "сконструирован", главным образом, из текстов XIX-XX столетий, обладал выраженными эмоциональными характеристиками и имел свой выпуклый "рельеф" [4]. Подобные *образно-географические манипуляции* представляют собой своеобразный полигон для отработки механизмов создания и функционирования географических систем, которые способны адаптировать и переваривать в соответствующий географический "продукт" историко-культурные рефлексии и национальные "комплексы". Так, образ пространств России описал ряд характерных *аффектов*, которые демаркировали Россию как пространство вне собственных культурных и географических границ, как переходное пространство или *пространство-между* [5].

Географическое пространство, которое становится собственным образом (образами), может быть *универсальным инструментом типологического анализа письма и различного рода текстов*. Письмо как инвариант географического пространства включает в себе возможности для образно-географических исследований литературных произведений. Постепенное развертывание и представление *письма как уникального географического процесса* позволяет проанализировать обратные связи в условной системе "образ-реальность". Роман Владимира Набокова "Лолита", который порождает немало географических аллюзий, стал объектом нетрадиционного географического анализа [6]. Традиционные географические понятия были переосмыслены в контексте представления литературного письма как пространственно-географического процесса, при этом текст Набокова спровоцировал ответную реакцию - образно-географическое исследование приобрело обтекаемые, на стыке различных жанров, письменные формы. Пространство письма было *географизировано*; географические образы были *оплотнены* самим текстом. Текст "Экономической географии Лолиты" представил собой образно-географическое описание романа, которое впитало "территориальные структуры" набоковского письма.

Интенсивные модификации и моделирование географических образов характерны для *культурной географии*, особенно для исследований *культурных ландшафтов* [7]. Определенный уровень и своеобразие культуры выступают условием качества созда-

ваемого образа культурного ландшафта страны, района, местности, но и сами созданные географические образы пронизывают определенную культуру, придают ей неповторимость и уникальность. Сами культуры и их пространственные отношения разыгрывают на поверхности Земли человеческую историю (или истории), а осмысленность пространства предполагает и осмысленное будущее. В контексте понимания культурной географии как *метафизики территории* (пространства) [8, с. 84, 85, 89, 90] осмысленность географического пространства, его "окультуренность" проявляется в количестве и качестве географических образов, которые представляют и выражают это *пространство в культуре*.

"Формовка" и затвердевание новых, продуктивных и ярких географических образов ускоренными темпами протекает на границах различных культур, в тех пограничных, *фронтирных зонах*, в которых происходит наложение, эклектическое смешение и обострение *взаимокультурного интереса*. Результатом подобного пограничного образно-географического "приключения" выглядит "*Московский дневник*" *Вальтера Беньямина*. Образ Москвы Беньямина, западноевропейского левого интеллектуала 1920-х годов, стремится предстать в глазах заинтересованного читателя вполне азиатским, оттолкнувшись от западноевропейских реалий. Но это удастся не полностью: европейский генезис культурных реалий, которые переживаются и переосмысляются Беньямином в советской столице, делает образ Москвы в его трактовке неоднородным, неустойчивым и очень *терпким, запоминающимся*. Узкие тротуары, которые придают Москве облик импровизированной метрополии; пространство московской зимы, которое изменяется от того, теплое оно или холодное; Москва как "архитектурная прерия" и собственное предместье; постоянное ощущение открытости русской равнины внутри города; деревенская бесформенность огромных московских площадей - эти локальные образы формируют связную и подробную *образно-географическую картину* — на стыке различных пространств, культур и времен [9, с. 45, 51, 71, 100, 147, 159]. Создание столь ярких образов возможно как часть механизма культурной самоидентификации, но сама культура при этом должна быть динамичной и даже агрессивной, в том числе и географически.

Классический американский фронтир - пример культурно-географической экспансии, которая породила живучий и динамичный географический образ. Уникальное соединение географических, культурных, социальных, исторических координат создало "горючую смесь" - своеобразный образно-географический "чернозем", "...фронтир - воображаемый географический рубеж и генетический виток возобновляемого социального развития. Линия и виток. Запад - общее направление, равнодействующая движущихся сил, их вектор и при этом место. Направление и место. Линия, закручивающаяся в спираль, путь, становящийся участком. И наоборот. Но что это за переливы геометрии и географии, переходы одной в другую и обратно, что за странное мерцание их оживших элементов, утративших статичность и покой?" Фронтир, по сути, ментальное пространство, вобравшее в себя черты пространства географического, реального и ставшее *динамичным местом мысли, географией мысли*. Ему присуща особая *топология*, которая требует своего ментально-географического картографирования [10, с. 53, 54]. Географические пространства, которые стали предметом историко- или политико-культурной рефлексии (саморефлексии), становятся и местами *картографического культа*. "На улице, в снегу, пачками лежат карты СССР, которые торговцы предлагают прохожим. Мейерхольд использует карту в спектакле "Даешь Европу" - Запад изображен на ней как сложная система маленьких полуостровов, относящихся к России. Географическая карта так же близка к тому, чтобы стать центром нового, русского визуального культа, как и портрет Ленина" [9, с. 75]. Президент США Ф. Рузвельт в 1942 г. произнес "Речь о географической карте", картографические отделы книжных магазинов опустели и крупномасштабные карты стали предметом интереса миллионов американцев. *Реальная географическая карта, таким образом, может выступать как эффективный культурно-географический или*

политико-географический образ, который представит "квинтэссенцию" континента, страны или района, даже если она запечатлела совсем другие территории. Великий географический образ (каким можно считать образ фронта) спонтанно разворачивает свои географические карты и способствует порождению интерпретаций, которые по существу являются пространственно-географическими [10, с. 60-64].

В широком контексте *образ географической границы* представляется как наиболее универсальный и емкий. Но подобное представление возможно в ситуации, когда структуры географического пространства мыслятся не в традиционных *бинарных оппозициях* (центр/периферия), пусть с выделением полупериферии (И. Валлерстайн), а как *ризоматические*, которые делают пространство (и его образы) потенциально безграничным [11, с. 629]. Идея "*сдвига*" итальянцев К. Гинзбурга и Э. Кастельнуово позволяет рассматривать приграничные территории как "*двойные периферии*" и места зарождения уникального опыта. А. Мело утверждает, что "...граница это и есть единый критерий для всех идентичностей современного мира, пребывающего в состоянии постоянного становления" [12, с. 12, 13]. Всякое пространство, по сути, погранично, и находится между различными пространствами, временами и представлениями. Мело дал и образ подобного пространства — *трансокеанский перекресток* (там же).

Граница (в том числе географическая - между ландшафтом и неландшафтом) стала ключевой проблемой теории скульптуры и архитектуры. Эти искусства столкнулись с *проблемой географического пространства, которое окружает скульптурное или архитектурное произведение*. Постмодернизм в скульптурно-архитектурной трактовке проявился в феномене *утраты места*: скульптура становилась не-ландшафтной. Скульптурный минимализм был ориентирован на маркировку ландшафта и не-ландшафта, архитектура осмыслила себя как часть пост-пространственной эпохи [13]. "Исчезновение" географического пространства как фона или декорации, его вторжение в произведение заставили осознать его как *движущуюся, динамичную границу*, которая меняет условия соприкосновения и взаимодействия различных сред. Скульптурное или архитектурное произведение "*пост-пространственной*" культуры должно восприниматься как путешествующее, передвигающееся, пограничное — как своего рода *воплощенный и материализованный географический образ*.

Понятие географического образа опирается на феноменологически понятую *пространственность*, то есть "...пространство процессов, взятых вместе с мыслью о них, с практикой". Родовые географические образы - место, район, пространство, территория - взаимосвязаны генетически, поскольку различие вещей, тел, материальной ткани мира и по осознанию, идентификации смыслов - ведет к их упорядочению. География создает свое пространство, в котором вопросы "где" обретают смысл [14, с. 18, 25, 30]. Таким образом, *пространство географии стремится в идеале идентифицировать себя с географическим пространством*. Но постоянное движение, динамика пространства географии (она все время уточняет собственные границы и координаты) приводит к образованию естественного зазора между ним и трансформирующимся в результате этого процесса географическим пространством — происходит бесконечная и в то же время имеющая конечную цель "методологическая погоня". Зазор между пространством географии и географическим пространством заполняется разнообразными географическими образами, которые играют роль *медиаторов* или прокладок. *Географические границы* (между местами, районами, странами, ландшафтами) как свидетельство пространственно-географических "ножниц" являются *месторождениями наиболее важных, ярких и продуктивных географических образов*.

Политико-географические образы

Специализированные географические пространства, которые представляют собой *анаморфированные* и в значительной степени *автономные варианты* базового, в географических координатах ("картографического") пространства, предлагают и

системы специфических географических образов. Эти образы вбирают в себя особенности пространственно-географического мышления в предметной или профессиональной сфере деятельности и аккумулируют "пространственность" подобной сферы деятельности.

Политика в этом смысле одно из благодатных полей, полигонов образно-географических исследований. Специфика политического мышления, особенно структура политических переговоров, схематизм этого типа мышления и сравнительно высокая нацеленность на достижение политического компромисса ведут, как правило, к *формированию простых, четких и выпуклых политико-географических (геополитических) образов* [15]. В дальнейшем эти политико-географические образы могут формировать сложную, разветвленную и иерархизированную систему - *геополитическую картину мира* [16].

Механизм развития геополитических пространств предполагает *параллельное, взаимосвязанное и встроенное развитие* системы политико-географических образов. "На определенный политико-, физико-, социально- и экономико-географический субстрат, или базу данных, налагаются разнородные, иногда противоречащие друг другу политико-географические и геополитические представления - местного населения, военных, политических и государственных деятелей. При этом возникает *сложная система политико-географических образов*, реагирующая на внешние воздействия изменениями своей конфигурации и структуры". В результате борьбы России и Китая за Приамурье в XVII-XIX вв. сформировался многосоставный политико-географический образ этого региона, который состоял из структур-подобных: географическое положение России, отношения Россия/Китай и Россия/Джунгария, жители Приамурья и т.д.

Динамика геополитических пространств может быть описана как *динамика геополитических или политико-географических образов.* Так, политическое и военное соперничество России и Великобритании в Средней Азии в XIX в. привело к интересной геополитической ситуации: если в европейской системе координат Россия рассматривалась Великобританией как "азиатская" держава, которая нарушала международные соглашения, то в Средней Азии ("азиатская" геополитическая система координат) политическая и дипломатическая дуэль происходила между европейскими державами - геополитический образ России приобрел "европейские" черты [17, с. 66, 67, 73]. *Инверсия геополитических пространств* сопровождалась *двойным счетом геополитических образов.*

Геополитические образы могут множиться, выступая в различных "ипостасях" и усложняя разработку единой политической стратегии. Подобные "ядерные реакции" ведут к *возникновению и одновременному существованию, а также и взаимодействию геополитических образов одного и того же исходного политического (геополитического) объекта.* Например, внешнеполитическое планирование в США в 1944-1945 гг. оперировало, как минимум, тремя геополитическими образами СССР. Два из них противостояли друг другу (образ европейской державы с традиционной внешней политикой и образ агрессивной "полуазиатской" державы, нацеленной на конфронтацию), а третий был противоречивым и объединял черты двух первых; для него характерен поиск устойчивых мистических основ, которые влияли на традиционный геополитический образ Российской империи - СССР. "...образ царской империи и образ сталинской тоталитарной диктатуры либо отождествлялись, либо сопоставлялись путем простого наложения одного на другой. Это приводило не только к смешению понятий, но и к просчетам в области политической стратегии" [18, с. 77]. Одновременное существование трех геополитических образов создавало расширенное, нечеткое и размытое геополитическое пространство, в котором территориальные претензии СССР (Прибалтика, Кенигсберг и т.д.), нетерпимые или слабо терпимые для европейских государств, могли выглядеть обоснованными геополитически в глазах США.

Принципы развития и взаимодействия геополитических пространств ведут к появлению и функционированию *буферных и промежуточных территориальных зон* между соперничающими государствами, которые могут быть продуктивными геополитическими образами одновременно. Так, статус территорий двойного подчинения возник в глубокой древности и получил на русской почве название *предела* [19]. Одна и та же территория рассматривалась как предел двух политических центров или политических образований имперского типа. К таким территориям относились Запад Малой Азии во II—I тысячелетиях до н.э., буферные государства Передней Азии между Римской империей и Парфией, Босния и Герцеговина в XIX в. в подчинении Османской империи и Австро-Венгрии, а Русь, например, после монгольского завоевания рассматривалась русскими летописцами как часть империи Царьграда (православная земля) и одновременно как часть владений монгольского хана [21].-Подобные *геополитические "прокладки"* могут приводить к формированию специфических геополитических образов, особенно в случае контакта различных политических культур. Так, столкновение хеттской и ахейской политических культур в XV-XIV вв. до н.э., носителей различных геополитических традиций (главенства-домината и главенства-первенства) повлекло за собой разложение обоюдных фундаментальных геополитических образов, причем *буферный образ политических образований Запада Малой Азии* способствовал разложению - он "высасывал соки" из базисных по отношению к нему геополитических пространств. Письменные документы обоих государств-соперников зафиксировали расплывчатые, почти неузнаваемые политические и культурные представления друг о друге [21].

Своеобразным было становление *геополитического образа Руси-России*. Этот образ долгое время формировался как имперский, причем он был достаточно дробен (процесс разграничения типов владений-доминиумов - край, область, волость, вотчина, уезд, поместье). Одновременно ему были свойственны черты изолированности, отдаленности от внешнего мира [22]. *Образ буферной или фронтирной империи* (как можно представить Россию) породил особую *геополитическую формулу русской судьбы*. Это *центростремительная модель*: области Руси самообразуются, представляя собой отдельные островки, а сама Русь, расширяясь, превращает присоединенные территории в те же островки, которые стремятся самозамкнуться, но в пределах "острова Россия" [23]. В данном случае мы видим автономный механизм порождения или воспроизведения стандартных геополитических образов (своеобразных *матрешек*), условием развития которых является *пограничность* (понятая как выделение, а затем отгораживание от окружающего мира).

Размерность пространства и времени, которая характерна для геополитики - их *укрупнение, увеличение, "квантование"* крупными порциями - способствует разработке экономических и *рельефных геополитических образов*. Новые формы политической организации, как правило, предлагали новые *пространственно-временные размерности* окружающего мира, которые консолидировали его, создавая соответствующие геополитические представления. Тенденции к связыванию геополитических пространств и к их уплотнению вели к *тиражированию* определенных форм геополитической (политической) организации [24, с. 31, 32-41], которые в условиях меняющейся географической среды менялись, совершенствовались или адаптировались. Возникали целые *серии геополитических образов*, опирающихся на базовый геополитический *образ-архетип*, будь то полис, империя или территориальное государство Нового Времени. Подобные *"бриколажи"* (по Леви-Стросу) могли формировать "веер" геополитических пространств на любой вкус, в пределах определенной геополитической формы. Геополитика, таким образом, вырабатывает специфическое отношение к традиционному географическому пространству: она "использует" классические картографические представления западной культуры в целях создания *"картоидных" географических образов*, которые бы описывали или характеризовали геополитические искажения и "искривления", *условный рельеф геополитической динамики* [27].

Геософия, которую можно понимать как дисциплину, изучающую и интерпретирующую *большие пространства*, представляет собой не аналог историсофии, как можно было бы заключить в рамках хронологической концепции, но *нечто более протяженное и расширенное в концептуальном смысле*. *Культурно-историческая геополитика* (синоним теософии), по мнению Страды, изучает макропространства (или ареалы), "...характеризующиеся не только пространственным, но и временным динамизмом и связанными друг с другом отношением притяжения и отталкивания, в зависимости от специфических особенностей, составляющих неповторимый облик каждого такого ареала и определяющих его судьбу внутри общности, именуемой "человечеством", причем не в чисто биологическом смысле" [26, с. 111]. Универсальные геополитические (или теософские) образы призваны "*сжимать*" традиционное географическое пространство, "*сжимая*" параллельно и его временные характеристики. Власть, властные структуры ориентированы на формирование собственного *приватного пространства - пространства власти*, которое может не ограничиваться государственными рубежами. Подобное отношение к пространству было характерным для России: "...власть осмысливала пространство своего воспроизводства как лишенное пределов, *бесконечное*". Российские власти стремились опередить, хотя бы на шаг, ход расширения территории, поглотить еще не завоеванное, не присоединенное пространство, путем строительства кордонов и крепостей [27, с. 136]. Укрепленные линии, эти пульсирующие *геополитические пунктиры, "нервы"*, были индикатором очередного расширения и собственно базовых, *геософских образов России и Российской империи*. Мозаика таких образов поддерживает геополитическое "тело" России, позволяет создать системный эффект на основе их пересечения и взаимодействия [28].

Соседствующие друг с другом процессы расширения властных пространств и процессы сжатия, *компрессии* географических пространств путем создания мощных геософских образов *находятся в противофазе*. Геополитические пространства "*заряжены*" на свою *деформацию* и изменение первоначального образа. Серии геополитических образов могут восприниматься как *калейдоскоп, который формирует динамическое поле образов*. Это уникальное пространство (производное второй степени от традиционного географического пространства) *закладывает внутрь себя скорость и темпы ускорения описанных процессов*. Время оказывается *растворенным и "переваренным"* в рамках пространства, которое осуществляет "*мониторинг*" *самого себя*.

Историко-географические образы

В течение XIX-XX вв. история научилась "*обращаться*" с пространством, оперируя *понятием исторического пространства*, которое жестко соответствовало понятию исторического времени. Историческое пространство было "*загружено*" географическим содержанием, но оно учитывалось лишь в связи с изучением исторических процессов в регионах, странах, местностях [29, с. 128-135]. *Историческая география*, в большей степени *геоистория* столкнулись с проблемой динамики географического пространства.

В геоисторическом исследовании — в первоначальном виде, как оно сложилось в трудах Ф. Броделя - географическое пространство играет принципиально другую роль по сравнению с классическими историческими подходами. П. Шонно справедливо заметил, говоря о работе Броделя "*Средиземноморье*" (1949), что: "*Средиземноморье оказалось - и это явилось потрясающим открытием - пространством без государства, пространством реальным, то есть пейзажем, диалогом человека с землей и климатом, извечным сражением человека с материальным миром вещей, без государственного посредничества, без ограничивающих права человека национальных пределов с их административной географией и границами*" [цит. по: 29, с. 133-134]. В геоистории абстрактное историко-культурное пространство, географический фон, на котором происходят исторические события, превращается в одного из главных героев исследования (изменяясь качественно).

В труде "Что такое Франция?" Бродель говорит о значении географии для истории: "В том-то и состоит ценность географии, что благодаря ей действительность предстает перед нами во всей своей густоте и протяженности, во всем многообразии составляющих ее явлений, которые следует мысленно разъединить, но лишь для того, чтобы еще лучше понять, насколько тесно они связаны"⁹⁹ [30, с. 20]. *Приключения географического пространства*, по-видимому, - это "соль" геоистории. Для геоисторического исследования наиболее важны *историко-географические образы, и их эволюция* (циклы зарождения, развития и трансформации). При этом историко-географические образы (в отличие от геополитических образов) могут формировать *плотное и устойчивое образно-географическое поле*, в котором динамика образа выражается в *наращивании последовательных страт, в закономерной и объемной стратификации этого поля*.

Интересны историко-географические образы, которые возникают в *переходных зонах*. Теоретически мыслимы переходные зоны, которые могут быть *шире*, чем зоны или ареалы, их разграничивающие. По отношению к родовому понятию географического образа историко-географический образ есть *явление переходное или производное* (аналог вторичных инструментов финансового рынка), которое постоянно и надежно фиксирует свои изменения. Поэтому и *поле историко-географических образов* (в идеале тождественное историко-географическому, или геоисторическому пространству) *рельефно, состоит из трендовых поверхностей и фиксирует изменения, динамику географического пространства географически*, организуясь "по образу и подобию" географического пространства. *Пороговые границы* (между качественно различными ареалами) [31, с. 22, 23, 25] способствуют созданию класса историко-географических образов (назовем их *пороговыми*). Они внутренне неоднородны, неустойчивы структурно и являются эпицентрами возмущений, которые нарушают естественный рельеф образно-географического поля. Пример подобного рода - образ хазарской границы, который предложен и описан как "зона борьбы, взаимодействия, переплетения различных географических представлений, сформированных в разных цивилизационных и культурных мирах и облеченных чаще всего в легендарно-визионерскую упаковку" [32, с. 145, 146]. Особый случай - *квазиграницы* (линии контраста или контакта разнородных явлений, слабо проступающие из континуальной фактуры земной поверхности [31, с. 29]). Здесь историко-географические образы слабо оформлены и представляют собой "*пятна*", *некие символические рамки*, которые локализуют *terra-incognita* образно-географического поля.

Таков первоначальный и весьма приблизительный набросок общей теории историко-географических образов. Дополнением может служить *анализ динамики географических представлений*. В структуру географических представлений заложен, как правило, *особый тип восприятия и понимания географического пространства*. Каждый подобный тип восприятия (понимания) пространства формирует *ауру, шлейф, плазму*, в которой складываются основные качественные характеристики историко-географического образа. Например, средневековые географические представления в Западной и Северной Европе отличались спецификой понимания пространства, как-то: представление географического пространства как пространства отдельных точек (локусов), незаполненность "промежуточного" пространства, однородность различных локусов, ориентация не по реальному направлению, а относительно административно-территориального деления страны, откуда двигался путешественник; подвижность топонимов, переплетение бытовых и мифологических представлений [33, с. 12, 14, 196-197, 206-207]. Поэтому возможно построение образно-географических полей с *поправками и определенными коэффициентами, которые связаны с динамикой географических представлений*.

Развитие пограничной дисциплины - *геоэкономики* - способствует *расширению контекста*, в котором возможно исследование и использование географических образов.

Оно делает концепцию географических образов *принципиально открытой*. Геоэкономика оперирует *виртуальными пространствами и финансово-экономическими потоками* [34, с. 12-13, 119—120 и др.]. Поэтому целенаправленное *конструирование географических образов* может стать актуальной задачей.

Геоэкономические пространства представляют собой географические или "*географоидные*" конструкторы. Образы *Глубокого Юга, Тихоокеанского мира, Индоокеанской дуги* [35, с. 41-42, 45, 48] есть не что иное, как проецируемые на условную карту (экономического) сознания штампы традиционной географии. Эти "сколки" формируют *заранее заданную поверхность*, по которой размечаются умозаключения, положения и закономерности. В отличие от геополитики (хотя геоэкономика обязана рождением классической геополитике) традиционная географическая карта, традиционные географические координаты не *диктуют* ход и построение геоэкономических штудий.

Географическое пространство, по-видимому, можно "*разворачивать*", "*сворачивать*", "*искривлять*" вполне *сознательно*, с целью получения определенных свойств и эффектов. Этот процесс может происходить не в реальности, но в *виртуальном поле*. В геоэкономике возможно создание *географических образов-катализаторов* или *образов-трансформаторов*, которые зафиксируют *открытость и когнитивную бесконечность географического пространства*.

Вместо заключения

Изложенный материал пунктирно обозначил области знания, где социология и география могут плодотворно сотрудничать. Так, в социологии города, деревни связь социального с географическим, с пространством первостепенны. Очевидна возможность социологических исследований роли этих факторов, их восприятия в культуре, политике, геополитике. Выявление черт повседневного сознания, формируемых географическим фактором, могло бы продвинуть вперед, например, этносоциологию. Более того, через сочетание этносоциологии с социологией генезиса религии и роли окружающей среды (географической, пространства) представляются возможными компаративные разработки цивилизаций, их интеракции, формирования религиозного сознания (хотя бы на материале мировых религий). Последнее соображение означает, что на стыке социологии и географии есть место социологов формата Л.И. Мечникова и Макса Вебсра.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. См.: *Сухова Н.Г.* Карл Риттер и географическая наука в России. Л., 1990; *Замятин Д.Н.* Сознание Земли // Известия РАН. Серия географическая. 1995. № 1.
2. *Замятин Д.Н.* Указ. соч.
3. *Замятин Д.Н.* Образ страны // Известия РАН. Серия географическая. 1997. № 4.
4. Хрестоматия по географии России. Образ страны: Пространства России / Авт.-сост. *Д.Н. Замятин, А.Н. Замятин* / Под общ. ред. *Д.Н. Замятина*. М., 1994.
5. *Подорога В.* Простирание, или География "русской души" // Хрестоматия по географии России...
6. *Замятин Д.* Экономическая география Лолиты // Новая юность. 1997. № 5-6 (26-27).
7. См.: *Новиков А.В.* Культурная география как интерпретация территории // Вопросы экономической и политической географии зарубежных стран. Вып. 13. Проблемы общественной географии. М., 1993; *Каганский В.Л.* Ландшафт и культура // Общественные науки и современность. 1997. № 1, 2.
8. *Новиков А.В.* Указ. соч.
9. *Беньямин В.* Московский дневник. М., 1997.
10. *Петровская Е.В.* Часть света. М., 1995.
11. См. также соображения Умберто Эко о метафизике детектива / Эко У. Имя Розы. Заметки на полях "Имени Розы". СПб., 1997.
12. *Мело А.* Трансокеанский экспресс // Художественный журнал. 1997. № 16.
13. *Краусс Р.* Скульптура в расширенном поле // Художественный журнал. 1997. № 16; *Асс Е.* После пространства. Фрагменты протоколов архитектурных испытаний // Там же.

14. *Костинский Г.Д.* Географическая матрица пространственности // Известия РАН. Серия географическая. 1997. №5.
15. *Замятин Д.Н.* Политико-географические образы. Представление географических знаний в моделях политического мышления // Человек в зеркале географии. Смоленск, 1996.
16. *Он же.* Политико-географические образы и геополитические картины мира (Представление географических знаний в моделях политического мышления) // Политические исследования. 1998. № 6. С. 80-92.
17. *Он же.* Моделирование геополитических ситуаций (на примере Центральной Азии во второй половине XIX века) // Политические исследования. 1998. № 2.
18. *Юнгблуд ВТ.* "Образы российской империи" и внешнеполитическое планирование в США в 1944-1945 гг. // США: Экономика. Политика. Идеология. 1998. № 6.
19. *Гиндин Л.А., Цымбурский В.Л.* Гомер и история Восточного Средиземноморья. М., 1996; *Ильин М.В.* Слова и смыслы. Опыт описания ключевых политических понятий. М., 1997.
20. *Гиндин Л.А., Цымбурский В.Л.* Указ. соч. С. 47-48; *Ильин М.В.* Указ. соч. С. 232-233.
21. *Гиндин Л.А., Цымбурский В.Л.* Указ. соч. С. 56-60.
22. *Цымбурский В.Л.* Остров Россия (перспективы российской геополитики) // Политические исследования. 1993. № 5; *Ильин М.В.* Указ. соч. С. 234, 239, 369.
23. *Ильин М.В.* Указ. соч. С. 375-376.
24. *Ильин М.В.* Геохронополитика - соединение времен и пространств // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 1997. № 2.
25. См. также: *Замятин Д.Н.* Моделирование геополитических ситуаций (на примере Центральной Азии) // Политические исследования. 1998. № 2, 3.
26. *Страда В.* Хронотоп России // Новая Юность. 1997. № 5-6 (26-27).
27. *Королев С.* Поглощение пространства. Геополитическая утопия как жанр исторического действия // Дружба народов. 1997. № 12.
28. См.: *Салимов И.* Импровизация холодных форм // Новая Юность. 1997. № 5-6 (26-27).
29. Об этом см.: *Савельева И.М., Полетаев А.В.* История и время. В поисках утраченного. М., 1997.
30. *Бродель Ф.* Что такое Франция? Кн. первая: Пространство и история. М., 1994.
31. *Родман Б.Б.* Основные типы географических фаций // Географические границы. М., 1982.
32. *Замятин Д.Н.* Моделирование геополитических ситуаций... // Политические исследования. 1998. № 3.
33. *Мельникова Е.А.* Образ мира. Географические представления в Западной и Северной Европе. V-XIV века. М., 1998.
34. *Жан К., Савона П.* Госэкономика. Господство экономического пространства. М., 1997. С. 12-13, 104, 119-120, 123.
35. См.: *Неклесса А.И.* Постсовременный мир в новой системе координат//Восток. 1997. №2.